

Прожив здесь всего несколько дней и будучи постоянно дома, Ци Го, естественно, не знал, есть ли поблизости супермаркет, и потому сварил кашу из остатков еды в холодильнике — как всегда, не слишком вкусную. Все же Сяо Тао готовил лучше. Ци Го, облизывая ложку и глядя на оставшуюся в миске кашу, вдруг почувствовал странное чувство. Говорят, что привычка формируется за семь дней, а он только на половине пути, но уже стал разборчив в еде благодаря Тао Хэ, даже начал пренебрегать своим собственным умением.

Уже было за восемь вечера, но Тао Хэ все еще не вернулся из компании. Ци Го убрал оставшуюся кашу в холодильник — хотя хотел выбросить, но это было бы расточительно — и вдруг получил звонок с незнакомого номера.

Он не знал этого номера, и ему редко кто-либо звонил. Подумав, что это его редактор сменил номер, он сразу же ответил, но на другом конце провода оказался человек, которого он никак не ожидал — Цзян Янь.

— Сяо Ци, это я. Не знаешь, помнишь ли ты меня? — Известный сценарист вдруг позвонил ему. Ци Го сначала не узнал его голос, но когда Цзян Янь весело назвал свое имя, он вспомнил, что однажды встречался с ним.

— Господин Цзян, что случилось? — спросил Ци Го с недоумением.

Он не работал в Тэнчуане и не имел никакого отношения к шоу-бизнесу, поэтому не мог понять, зачем Цзян Янь ему звонит.

— Ничего особенного, просто в тот день мы с тобой, малыш, сразу нашли общий язык, и я хотел бы подружиться с тобой, ха-ха. — Цзян Янь говорил это без тени смущения, словно это было правдой. В свои годы он мог называть Ци Го малышом, но Ци Го чувствовал, что его отношение было слишком теплым, даже льстивым.

Почувствовав странность, он молчал на другом конце провода. Однако Цзян Янь не смутился и продолжил разговор.

— Я слышал, Сяо Ци рисует? Это здорово, художник. Твоя мама тоже любила рисовать, однажды я мельком увидел, как она что-то пишет в сценарии, подумал, что она делает заметки, а когда взял его, оказалось, что она нарисовала портрет режиссера Цзиня, это было так смешно.

Если говорить о разговоре, то они виделись только один раз и почти не были знакомы. Чтобы поддерживать беседу, он мог вспомнить только о его рано ушедшей матери.

Неожиданно он попал в точку, и Ци Го, который ничего не знал о своей матери, заинтересовался. Он помнил только, что она водила его в зоопарк, но больше ничего.

— Моя мама тоже любила рисовать?

— Да, очень любила. Кстати, у меня сохранился ее старый сценарий, может, как-нибудь приглашу тебя на чай и отдам его тебе. — Цзян Янь, увидев, что он заинтересовался, сразу же воспользовался моментом и предложил встретиться.

— Хорошо. Я угощу, вы старший. — Никогда не видевший ничего, кроме фотографий своей матери, Ци Го заинтересовался и сразу же договорился с Цзян Янем о встрече через несколько дней.

Он совсем забыл о недавней слежке и не подумал, что если журналисты будут караулить, он снова окажется в заголовках. К счастью, район, где находился новый дом Тао Хэ, пока оставался скрытым, иначе Ци Го снова столкнулся бы с папарацци.

Цзян Янь договорился с ним встретиться в элитном чайном доме. Ци Го никогда там не был, и, сев в такси, обнаружил, что чайный дом находится недалеко от дома семьи Ци, так что после встречи с Цзян Янем он мог зайти домой. Он давно не был дома.

Чайный дом был оформлен в старинном стиле, сдержанном и утонченном, и был только для членов клуба. Ци Го назвал номер комнаты, который прислал Цзян Янь, и элегантная встречающая провела его через длинный коридор в комнату с занавесками.

За занавеской слышались разговоры и смех, Ци Го удивился, думая, что встреча будет только с Цзян Янем.

Он раздвинул занавеску и вошел, первым делом увидев лицо Цзян Яня, всегда улыбающегося, а затем сидящего напротив знаменитого режиссера Цзинь Хуа. Оказывается, они и в частной жизни были близки.

— Сяо Ци пришел, иди сюда. Садись рядом со мной. — Как и тогда на пробах, Цзян Янь, увидев его, улыбнулся и поманил его к себе.

В комнате столик и стулья были сделаны из столетнего дерева, выглядели массивно и величественно. Ци Го спокойно и вежливо поздоровался и сел, его движения отражали его хорошее воспитание. На столе стоял чайник с поднимающимся паром, Ци Го не разбирался в чае, поэтому терпеливо слушал, как Цзян Янь подробно рассказывал о нем, время от времени кивая.

— ...Очень похож. — Они говорили и слушали, а Цзинь Хуа, сидевший напротив, наблюдал за Ци Го. На пробах он был занят и не мог уделить ему внимания. Сейчас съемки «Легенды о Чаоюне» на натуре завершились, а студийные еще не начались, и, получив приглашение Цзян Яня, он сразу же согласился.

Чем больше он смотрел на Ци Го, тем больше находил в нем сходства с его матерью, особенно в тех спокойных глазах, скрывающих тысячи слов. Присмотревшись, он даже почувствовал иллюзию, словно вернулся в те времена, когда они с Хуэй Чулин обсуждали сцены фильма.

Неосознанно он высказал свои мысли вслух, и Ци Го посмотрел на него с недоумением. Увидев эти знакомые, но все же другие глаза, Цзинь Хуа рассмеялся, вспомнив, что Хуэй Чулин тоже смотрела на него так, когда что-то не понимала.

Сегодня он тоже пришел, чтобы вспомнить старые времена, и Цзинь Хуа открыто сказал:

— Ты очень похож на свою мать.

В его голосе звучала ностальгия, что сильно отличалось от его обычного строгого образа, больше напоминая обычного поклонника.

— Я снял с ней два фильма, а на третий она уже ушла из кино. — Цзинь Хуа вспоминал прошлое, и в его голосе слышались сожаления. — В первой версии «Легенды о Чаоюне» Юнь Фэй должна была быть женским персонажем.

— Старик Цзинь всегда хотел снять женского антагониста. Он очень требователен, я написал

несколько версий, переписал их, но он все равно был недоволен. — Цзян Янь, услышав, что он заговорил об этом, не удержался и вставил свои пять копеек, жалуясь на своего старого друга.

— Изначально роль Юнь Фэй была написана специально для Хуэй Чулин, но когда первый вариант сценария был готов, твоя мама ушла из кино. После этого я переписывал его много раз, но так и не смог добиться желаемого эффекта, поэтому попросил Цзян Яня написать заново. — Говоря о прошлом, Цзинь Хуа стал многословным, рассказывая об эволюции сценария, даже более ясно и логично, чем сам Цзян Янь.

Даже Ци Го, не слишком интересующийся этим, слушал с удовольствием. Он не знал, что за «Легендой о Чаоюне» скрывается такая история, всегда считая, что сценарий фильма остается неизменным от начала до конца.

— Мы уже долго болтаем, Сяо Ци, наверное, тебе надоело. — Хотя так говорил, Цзян Янь казался не готовым закончить.

Он взял лежащий на столе конверт и достал из него хорошо сохранившийся сценарий в пластиковой обложке.

Цзян Янь передал сценарий Ци Го, улыбнувшись:

— Это то, о чем я говорил тебе по телефону, старый сценарий твоей матери.

Ци Го почувствовал волнение, легонько взвесив его в руке, он был довольно толстым и тяжелым. Его чувства были смешанными: любопытство, догадки, радость.

— Можно открыть?

Он смотрел на сценарий с нетерпением, и его желание открыть его вызвало улыбки у Цзинь Хуа и Цзян Яня.

— Конечно, Сяо Ци, смотри не спеша.

Получив разрешение, Ци Го сразу же открыл обложку, на первой странице было только два крупных иероглифа: «А Дие». Он слышал об этом фильме, это был первый коммерческий фильм его матери на большом экране.

Тао Хэ: Любить человека — значит видеть его все более маленьким, чувствовать, что он нуждается в заботе, находить его милым до глубины души. (держит лицо в руках)

Автор: Мистер Тао, вы не находите, что это немного странно?

<http://bllate.org/book/16319/1472650>